

Закат клонился к западу, заливая горизонт густым оранжево-алым маревом.

Лю Чжиян толкнул деревянную дверь лачуги. На улице всё ещё царил зной; ветер, подхвативший раскалённую песчаную пыль, ударил в лицо тяжёлым духотным жаром, от которого перехватывало дыхание.

Сбросив пиджак, он ослабил галстук, закатал рукава и, проверив пистолет за поясом брюк, вместе с Лэем вышел на деревянные подмости.

У ворот рудника тянулась длинная вереница людей. Шахтёры, похожие на механических кукол на конвейере, сгружали руду в плетёные корзины и покорно понутив головы тянулись к досмотровой будке.

Гань Чуань про себя взвешивал расклад: Тай Цинь целый день сидел тихо и не лез к нему. Наверняка вынашивал очередную пакость.

Толпа впереди продвинулась. Гань Чуань сделал шаг и тут же налетел на Саньгоу.

Тот был сам не свой. Очередь давно ушла вперёд, а он спохватился лишь сейчас и засуетился, пытаясь догнать остальных. Каждое движение выдавало в нём смертельный страх, а вжатая в плечи голова прямо-таки вопила: дело нечисто.

Гань Чуань окинул взглядом его затылок и слегка изогнул бровь.

Вскоре подошла их очередь. Саньгоу сделал несколько судорожных вдохов и заставил себя переступить порог досмотровой.

Гань Чуань остался ждать снаружи. Из соседней будки успели выйти один, второй, третий, четвёртый работяги, а от Саньгоу не было ни слуху ни духу.

Прошла ещё минута. Грохнула распахнутая дверь: Саньгоу, словно ужаленный, выскочил из будки и без оглядки рванул в глубину рудника.

Почувяв, как мгновенно изменился воздух вокруг, Гань Чуань без раздумий бросился за ним.

В следующую секунду из досмотровой выскочили двое надзирателей-кача. Один кинулся в погоню, а второй, перекусив воздух, ошалело заорал в сторону Тай Циня:

— Он спёр синий сапфир! Величиной с большущий палец!

Эта весть пронеслась по карьере подобно громовому разряду.

Зрачки Тай Циня мгновенно расширились:

— Какой величины?!

— С палец, босс! Да даже больше!

Сапфир размером с большой палец... Не то что на руднике «Хунпинь» — во всей Муяме, да что там, во всём мире таких камней можно было пересчитать по пальцам одной руки.

У всех присутствующих ёкнуло сердце. Явление подобного сокровища из недр земли никогда не сулило ничего хорошего.

Заметив, что на карьере начинается заваруха, а Гань Чуань устремился вслед за беглецом, Лю Чжиян нахмурился и быстрым шагом направился к досмотровой.

Гань Чуань в несколько прыжков догнал Саньгоу, на противохвате сбил с ног нагнавшего их кача, вырвал из его рук автомат и со всей дури рывкнул на придурка:

— Ты что, совсем из ума выжил?!

Саньгоу оглянулся, всё ещё не осознавая масштаба катастрофы, и начал заикаться:

— Брат Чуань, я просто хотел чуток вынести... Раньше ведь тоже...

— Ляг, сука! — сгребя его за шкурку, Гань Чуань вместе с ним рухнул в песчаную пыль.

Прямо у ног Саньгоу взбила сухую землю первая пуля. А в следующую секунду над головами со свистом и треском разверзлся настоящий свинцовый ад. Пули решетили сухой песчаник, поднимая в воздух плотную завесу пыли.

Тай Цинь со зверским выражением лица, с налитыми кровью глазами тыкал пальцем в сторону отстреливающихся:

— Огонь! Завалите обоих! Камень вернуть любой ценой!

Два десятка надзирателей вскинули стволы, заливая свинцом рудничный карьер.

Рабочие в панике визжали: одни прыгали в шурфы, спасая жизни, другие хоронились за отвалами породы. Те же, кто зазевался хоть на секунду, тут же ловили пули.

Кровь алыми брызгами разлеталась по серому гравию и пыли.

— Тай Цинь! — Лю Чжиян подскочил к будке, его голос прорезал шум канонады. — Ты что творишь? С ума сошёл?!

Тай Цинь оскалился, точно ядовитый скорпион:

— Советник, эти двое украли камень. По законам рудника я имею полное право пришить их на месте!

Лю Чжиян мёртвой хваткой вцепился в его отворот, впившись в тварь ледяным, исполненным ярости взглядом:

— Предупреждаю: немедленно прикажи прекратить огонь!

— А если нет? — глумливо хмыкнул тот. — Я тебе так скажу, Лю Чжиян: я этого «брата Чуаня» с первого дня невзлюбил. И сегодня я его здесь и закопаю!

Тем временем Саньгоу за насыпью окончательно потерял рассудок. Он сжался в комок, дрожа так, словно его колотила лихорадка:

— Б-брат... Брат Чуань...

— Заткнись и не скули, — огрызнулся Гань Чуань, залегая ниже. Пули выбивали фонтанчики земли буквально в пару дюймов от лица.

Сняв с предохранителя выдернутый у охранника автомат, он чуть приподнял ствол над бруствером и, не глядя, полоснул коротким разом в сторону вспышек.

Попал ли в кого — хрен его знает, главное — прижать тварей.

Опорожнив рожок за несколько коротких очередей, Гань Чуань передёрнул затвор и услышал лишь сухой щелчок. Патроны кончились.

Шум выстрелов сжимался кольцом. Земля вокруг была изрыта свинцовым градом.

Отбросив бесполезную железяку, Гань Чуань посмотрел на рыдающего рядом дурака:

— Мать твою... Никогда бы не подумал, что сдохну в одной канаве с тобой. — Он похлопал по карманам. — Сигареты есть?

Саньгоу, захлёбываясь слезами, вытирал грязным рукавом сопли:

— Брат Чуань... На кой хрен ты за мной поплёлся...

— Ты мой человек или кто? Если старший не вытащит твоё заднее место, то кто вытащит? — Так и не найдя пачку, Гань Чуань сплюнул. — Дымить есть чем, спрашиваю?

Саньгоу лишь мотал головой, заходясь в истерике:

— Это я виноват... Я не знал... Я не думал, что так выйдет...

Гань Чуань откинулся на спину, слушая этот похоронный плач с глухим раздражением.

Треснувшие звуки боя подбирались всё ближе. Последние лучи заката гасли над карьером. «Если меня сейчас пришьют, — отрешённо подумал Гань Чуань, — сдюжит ли Лю Чжиян один вытянуть всю Строительно-промышленную группу?»

На пригорке Лю Чжиян выхватил из-за пояса пистолет и вжал холодный металл в бок Тай Циня.

— Отдай приказ, — процедил он сквозь зубы.

Тай Цинь нагло расхохотался, повернув к нему перекошенную рожу:

— Да ты стрелять не посмеешь! Я ведь...

Договорить он не успел. На лице его застыло дикое изумление, и он медленно опустил взгляд.

В боку уже зияла дыра, откуда хлынула тёмная, густая кровь.

Лю Чжиян рывком подтащил его за загривок к перилам, вскинул пистолет, разрядил один патрон в воздух и тут же впечатал раскалённое дуло прямо под подбородок Тай Циня.

— Повторяю в последний раз: отзови своих псов.

Отточенная, безупречная укладка Лю Чжияна рассыпалась, пряди волос упали на лоб, а в его глазах, обычно холодных, как лёд, сейчас пылало пламя, способное сожрать каждого, кто встанет на пути.

Тай Цинь наконец осознал простирающуюся перед ним пропасть: этот человек не блефует. Он

реально спустит курок.

— Прекратить... Прекратить огонь! — во весь голос заголосил он своим головорезам.

Стрельба мгновенно смолкла.

Гань Чуань осторожно выглянул из-за насыпи.

В этот момент Саньгоу сунул ему в ладонь какой-то тряпичный свёрток и, воспользовавшись паузой, спотыкаясь, рванул к заброшенному шурфу на краю отвала.

Сумерки сгустились, и провал шахты проглотил беглеца мгновенно, без следа.

Гань Чуань развернул тряпицу — и рука его невольно дрогнула.

На ладони лежал огромный, прозрачный как слеза синий сапфир величиной с фалангу большого пальца. В глубине грани переливались таинственным ультрамариновым светом.

Лю Чжиян спустился в карьер. В своих дорогих кожаных туфлях он шагал по изрытому гравию и, подойдя к Гань Чуаню, тихо, со скрытой дрожью в голосе спросил:

— Цел?

Гань Чуань поднялся, крепко сжав его ладонь:

— А что со мной делается.

Почувствовав в руке нечто твёрдое и гранёное, Лю Чжиян разжал пальцы лишь на мгновение, чтобы увидеть чистейший сапфир.

Он вскинул взгляд на Гань Чуаня, и тот едва заметно кивнул.

— Всем, кто был в зоне забоя — марш на повторный досмотр! — разнёсся над карьером хриплый голос Тай Циня из динамиков.

Кача с автоматами наперевес начали сгонять уцелевших рабочих к будке.

Лю Чжиян сжал камень в кулаке и уже сделал шаг, но Гань Чуань удержал его за запястье.

— Этот ублюдок Тай Цинь не успокоится, — шепнул Гань Чуань. — Он перевернёт тебя вверх дном. Отдай лучше мне, дорогой.

— Эй вы, пошевеливайтесь! — окликнули их двое надзирателей.

Лю Чжиян присмотрелся к подходившим и вспыхнул взглядом:

— Всё в порядке.

Одним из охранников был Шэнь Цзяжуй. Тот тёрся за спиной рослого кача, выглядя испуганно и жалко.

— Чего вылупились? Пошли! — рявкнул верзила, помыкая ими стволом.

Гань Чуань покорно пошёл первым.

Лю Чжиян пристроился рядом с Шэнь Цзяжуем. Направившись вперёд, он будто случайно оступился на неровном камне и налетел плечом на молодого парня.

— Ты что исполняешь?! — тут же обернулся главный кача.

— Ногу подвернул, — спокойно открестился Лю Чжиян.

Охранник мазнул взглядом по его модельной обуви и сплюнул:

— Топай давай, не задерживай!

К этому моменту сапфир уже бесшумно перекочевал в глубокий карман Шэнь Цзяжуя.

Гань Чуань бросил быстрый взгляд на испуганного парня, выждал паузу и шагнул дальше.

За пределами зоны досмотра толпились шахтёры. Сунба, увидав, что Гань Чуань цел и невредим, облегчённо выдохнул и подскочил ближе:

— Брат Чуань! А Саньгоу где?

Гань Чуань махнул рукой в сторону тёмного провала:

— В тот шурф утёк.

— Ты сам видел? — спросил не Сунба, а стоявший рядом мужчина в налобной повязке. Он говорил на языке муяма с характерным акцентом.

Лю Чжиян, как раз выходявший из досмотровой, сразу узнал в нём того самого нага, который когда-то вручил им первый крошечный сапфир.

Уставший и злой Гань Чуань огрызнулся:

— Да во сне увидел!

Сунба неловко улыбнулся и поспешил представить его:

— Брат Чуань, это Маомао. Он старший у народности нага на «Хунпине».

Маомао не обиделся на грубость. Напротив, он почтённо склонил голову:

— Спасибо, что заступился за Саньгоу. Духи защитят тебя.

— Лю Чуань! — раздался хриплый оскал.

Тай Цинь с плотно перебинтованной поясницей, держась за бок и хромая, притащил за собой целую кавалькаду вооружённых псов.

Гань Чуань не сразу сообразил, что клеймо «Лю Чуань» относится к нему, а когда обернулся, его тут же сбили с ног и прижали к гравию.

— Ах вы, суки... — зарычал он, пытаясь вырваться.

Не дав Лю Чжияну вмешаться, Тай Цинь каркнул во всё горло:

— Советник у нас человек новый, правил не знает! Эй, Маомао, скажи-ка громко, что у нас бывает за кражу породы?!

Маомао мельком глянул на Лю Чжияна, опустил глаза и глухо произнес:

— Двое суток карцера. Без еды и воды.

— Слышал, Лю Чжиян? — Тай Цинь расплылся в торжествующей ухмылке. — Ты хоть трижды советник, а поперёк закона рудника не попрёшь. Их устанавливает хозяин. Раньше был босс Янь, а теперь... Ну, этот ваш замдиректора Гань Чуань, кажется? Да только где он сейчас, этот

Гань Чуань, а?!

Прижатый лицом к пыли Гань Чуань впервые за долгое время почувствовал глубочайшую опеку от происходящего абсурда.

— Впрочем, — Тай Цинь сделал шаг к Лю Чжияну, — если советник изволит спуститься со мной в шурф, найти этого сукиного сына Саньгоу и вернуть камень, я так и быть, сброшу твоему прихвостню пару дней.

Лю Чжиян зафиксировал его взгляд.

В представлении Тай Циня драгоценность всё ещё находилась у беглеца в шурфе. Спускаться туда без Лю Чжияна ему казалось опасным — мало ли что тот утворит на поверхности.

Лю Чжиян понимал: если Тай Цинь настигнет Саньгоу первым, то просто пустит парню пулю в затылок.

— Я иду с вами, — ровно ответил Лю Чжиян.

Тай Цинь отобрал десяток отборных головорезов, прихватил Маомао и четыре десятка людей народности нага.

Лэй шагал след в след за Лю Чжияном, но у самого входа в шурф тот остановил его рукой.

Бешеный пёс удивился:

— Ты что, не берёшь меня с собой?

— Мне ничего не грозит, — тихо проговорил Лю Чжиян. — Твоя задача — караулить Гань Чуаня. Смотри, чтобы он тут с голоду не сдох.

Лэй похлопал глазами и послушно кивнул.

Пока процессия с фонарями погружалась в непроглядную темень подземелья, Лэй проводил их взглядом, развернулся и пошёл искать еду для босса.

Карцер представлял собой крошечную железобетонную клеть, где нельзя было даже присесть — только стоять во весь рост. Рядом на куче песка спал приставленный охранник-кача.

Гань Чуань переминался с ноги на ногу, спасаясь от ноющих мышц, и места себе не находил от тревоги.

Вдруг из темноты вынырнул Лэй с миской еды.

Гань Чуань вытаращил глаза и прошипел:

— Ты какими судьбами тут?! Почему с Чжияном в забой не пошёл?!

— Босс сказал, что ему ничего не грозит, — святодушно доложил Лэй.

— Ты что, совсем долбанутый?! — Гань Чуань едва не вцепился ему в отвороты. — «Ничего не грозит»? Да там Тай Цинь с десятью стволами и сорока боевиками! Он туда развлекаться пошёл, по-твоему?!

Лэй вжал голову в плечи, переварил услышанное и выпалил:

— Я сейчас сбегаю туда!

— Ну и дурак... — Гань Чуань заскрипел зубами. — Там разветвлений на три километра! Ты их до утра искать будешь, олух!

— Может, я тебя вытащу?

— И на кой хрен ты мне сдался снаружи?! Я что, дорогу в этих лабиринтах знаю?!

Лэй застыл в полной растерянности.

Гань Чуань только тяжело вздохнул, стараясь не закипеть:

— погоди. Ты помнишь среди кача одного китайца? Такой беленький, замороженный слегка?

— Ну... вроде помню, — почесал затылок Лэй.

— Бери машину Лю Чжияна. Прямо сейчас пакуй этого парня и вези в головной офис группы. Скажешь, что я приказал. Заприте его в самом дальнем кабинете и глаз с него не спускайте!

Лэй не привык задавать лишних вопросов. Кивнув, он растворился в темноте.

Шэнь Цзяжуй был простым охранником, а Тай Цинь ушёл под землю, так что выехать с территории рудника не составило никакого труда.

Спустя десять минут внедорожник Лю Чжияна выкатился за ворота «Хунпиня». На заднем сиденье с плотной чёрной повязкой на глазах сидел ни о чём не подозревающий Шэнь Цзяжуй.

Всё произошло настолько стремительно, что парень даже не догадывался: в его глубоком кармане покоится сокровище, за которое полмира готовы перерезать друг другу глотки.

<http://bllate.org/book/20071/1990847>